

*Славенко Терзич
(Белград, Сербия)*

РОССИЯ И ПЕРВАЯ БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА

Рассматривается хроника внешнеполитических событий начала XX века, связанных с участием России в решении балканского вопроса. Среди важнейших событий, оказавшихся в центре «балканской» политики России, – возможность захвата Константинополя Болгарией и выхода Сербии к Адриатическому морю.

Ключевые слова: история, внешняя политика России, «восточный вопрос», Сербия, Болгария, Первая Балканская война.

О тношение России к Первой Балканской войне 1912–1913 годов было частью ее более широкой и долгосрочной внешнеполитической стратегии по данному региону. Как известно, уже согласно мирному договору в Кучук-Кайнарджи 1774 года Россия получила право покровительства православным христианам в Османской империи и их защиты, но потеряла его после Парижского мирного договора (1856), трагической и изнурительной для России Крымской войны, когда впервые единая европейская коалиция (практически все силы Европы) вместе с Турцией воевала против России. Опыт Крымской войны, а по сути – страх перед европейской коалицией, станет кошмаром царской России практически до конца ее существования.

Этот опыт в некотором роде сказался и во время Великого восточного кризиса 1875–1878 годов. Огромные военные потери и финансовые расходы из-за решения Берлинского конгресса (1878) не привели к

желаемому результату. Попыткам России самостоятельно решить восточный вопрос и благодаря созданию Сан-Стефанской Болгарии осуществить свое почти двухвековое желание — господствовать над проливами Босфор и Дарданеллы, быть хозяином в Константинополе, контролировать коммуникации на Нижнем Дунае и вниз по Вардарской долине — противодействовали европейские страны, прежде всего Великобритания и Австро-Венгрия. Берлинский договор аннулировал Сан-Стефанский договор. Сербия вместе с Россией необдуманно ввязались в международный кризис и, как следствие, потерпели поражение.

Но в истории российской политики на балканском направлении есть еще один существенный момент: Россия стояла и за Первым, и за Вторым балканским союзом. Считая, что эмансипация Балкан по принципу «Балканы — балканским народам» не допустит доминирование ее стратегических конкурентов на этих пространствах, Россия оказывала помощь освободительным движениям балканских народов: она была единственной силой, которая более-менее последовательно этим занималась. Чаще всего Россия выдвигала на первый план единство православного мира на Балканах, единство Вселенской церкви, но под влиянием русских славянофилов она добилась *берата* (указа султана) о болгарской экзархии (1870), что привело к схизме в рамках Вселенской церкви. Мнимая поддержка болгарского церковного движения, а на самом деле — болгарских национальных амбиций, обернулась неудачей на Берлинском конгрессе; ущерб, нанесенный идее славянского православного единства на Балканах, был огромен и в итоге непоправим.

Традиционно русская политика на Балканах исходила из идеи разграничения сфер влияния между Россией и ее конкурентами, в основном с Австрией, преобразовавшейся в Австро-Венгрию. Известен договор между Екатериной II и австрийским императором Иосифом о разделении территорий влияния по линии Тимок-Вардар. Историческим приоритетом России, ее внешнеполитическим стремлением еще со времен Петра Великого, являлось господство на Черном море, контроль над Босфором и Дарданеллами и выход в Средиземное море. Чтобы осуществить это, Россия была готова идти на компромисс с соперниками (чаще всего в ущерб интересам Сербии) по одной простой причине: сербы занимают центральную часть Балкан. Примером такого компромисса были соглашения в Рейхштадте (1876) и в Будапеште (1877). Для того чтобы добиться свободы действий в восточной части Балкан, Россия оставляла ее западную часть Австро-Венгрии, дав согласие на австро-венгерскую оккупацию Боснии и Герцеговины. Имея за плечами этот опыт, Россия согласилась и на аннексирование

Боснии и Герцеговины в 1908 году (за туманные обещания, связанные с контролем над проливом, которые Англия в ближайшем будущем опровергла).

В 1912 году Россия все еще восстанавливала свои силы после поражения в Русско-японской войне и после хаоса революции в том же году. Она десятилетиями внимательно наблюдала за событиями на Балканах, имела широкую сеть консульских учреждений — в основном в них служили весьма образованные и одаренные люди — и имела отличную разведывательную сеть с центром в Константинополе. Россия вновь поддержала идею Балканского союза и искренне благопритствовала подписанию договора о союзе между Сербией и Болгарией 13 марта 1912 года. Как известно, в «Секретном дополнении» к договору было указано, что обе державы поставят Россию в известность о возможных действиях против Турции. Также обе державы по статье 2 «Секретного дополнения» согласились на посредничество русского императора в решении территориального спора вокруг региона от Кривой Паланки до Охридского озера. Никола Пашич 22 июня 1912 года лично передал копию сербско-болгарского соглашения русскому императору вместе с письмом короля Петра. В Москве Пашич присутствовал на открытии памятника русскому императору Александру III [1, с. 820].

Накануне Балканской войны у России были очень хорошие отношения с Сербией. Пашич был столпом и гарантом такого сотрудничества. К Черногории Россия стала относиться настороженно из-за ее сближения с Австро-Венгрией. С одной стороны, Черногория получала русские военные субсидии, а черногорский король Никола — свой гражданский лист, и во время его визита в Константинополь в начале 1912 года поговаривали, что не мешало бы выделить что-то и королевичу Мирко, «потому что он не получает ничего от России» [1, с. 452]. С другой — черногорский займ в «Боден-кредитанштальт» вынудил русское правительство предупредить черногорский двор «об опасности политики, которая жертвовала бы большими и постоянными интересами ради временной и неизвестной выгоды» [1, с. 179–180]. Король Никола заверил Россию, что на закате жизни у него нет ни сил, ни воли менять традиционную политику и «бросаться в приключения».

Поддерживая идею Балканского союза, Россия одновременно была против военной интервенции. При собственной неготовности к войне и понимании того, что Турция в военном плане все еще достаточно сильна, чтобы победить балканских союзников, у России были и внутриэкономические причины к этому. Босфор и Дарданеллы были жизненно важными воротами экспорта русской пшеницы и вообще русского продовольствия в Европу и мир. Уже с началом войны между

Италией и Турцией представители торгово-промышленного капитала поставили вопрос о защите русского экспорта. Посланнику Чарикову в Константинополе была дана инструкция напомнить Порте о некоторых статьях Парижской (1856) и Лондонской (1909) деклараций, согласно которым русский экспорт пшеницы из черноморских портов под нейтральным флагом не подлежит таможенному досмотру и конфискации, поскольку он предназначен не для итальянской армии. После закрытия пролива в апреле 1912 года русские деловые круги еще более энергично оказывали давление на правительство. Сама Турция не доверяла намерениям России, а протест против закрытия Дарданелл еще больше подпитывал это недоверие. Русский военный представитель в Константинополе Хольмсен полагал, что и балканские союзники способствовали этому, надеясь, что закрытие Дарданелл может привести к конфликту России и Турции. Не было ни одного дня, — пишет он, — без сообщений о появлении русского флота перед Босфором.

Опасения Турции были безосновательны, потому что русская дипломатия в течение всего 1912 года настаивала на том, чтобы не нарушался мир на Балканах. Из Петербурга 20 сентября 1912 года было направлено письмо правительству Сербии о том, что русское правительство «принципиально рекомендует мир, потому что абсолютно не может воевать, последствиями войны были бы австрийская оккупация Сербии и победа Турции над Болгарией» [2, с. 641]. На обратной стороне этого письма Пашич написал: «От нашей воли не зависит, примет ли положение дел на Балканах тот облик, который угрожает выживанию сербов, будет ли поддерживаться агитация за “великую Албанию”», которая направлена против жизни сербского элемента в Косово» [2, с. 641]. Русский министр иностранных дел Сазонов неоднократно и через Хартвига в Белграде, и через Димитрия Поповича в Константинополе предупреждал Сербию и Пашича о том, что в случае начала войны Австро-Венгрия нападет на Сербию и захватит Белград. Он писал: «Россия снимает с себя любую ответственность за последствия войны и еще раз обращает внимание на то, что правительства балканских стран не могут рассчитывать на вмешательство России» [2, с. 640]. Данев сообщил Пашичу в поезде, ехавшем по маршруту Ниш-Марковац 22 сентября 1912 года: в Болгарии начали думать, что русские не хотят войны «из-за страха, что мы, болгары и сербы, не поставим вопрос о Константинополе и Дарданеллах» [2, с. 653–654]. Посланник министра иностранных дел Нератов повторил сербскому посланнику все вышесказанное, подчеркнув, что Россия не повторит ошибку 1877 года. В конце сентября 1912 года русский министр иностранных дел Сазонов, пытаясь предотвратить войну, выступил с иде-

ей, чтобы Турция согласно статье 23-й Берлинского договора провела реформы и улучшила ситуацию в стране. Он посетил Францию, Великобританию и Германию. Сербскому посланнику в Лондоне он сказал, что реформы распространятся на все области, что война — «настоящее безумие» и что посланник ошибается, если думает, что Сербия втянет Россию в войну. Россия не будет вмешиваться, даже если Австро-Венгрия нападет на Сербию, хотя это для России будет достаточно сложно.

Уже в начале октября 1912 года, понимая решительность балканских держав, русская дипломатия делает небольшой маневр: проводит переговоры с Австро-Венгрией о том, чтобы локализовать балканскую войну и чтобы ни одна великая держава в нее не вмешалась. Сазонов неоднократно повторял в различных случаях: все усилия нужно направить на локализацию войны. При поддержке общественного мнения, которое в основном требовало более энергичных действий со стороны России, военные круги предложили секретную помощь. Генерал Шведов в начале октября сказал сербскому представителю, что, если начнется война, русский Красный крест сразу вышлет три госпиталя с 300 койками, 9 врачами, 28 сестрами и 99 медиками. Он выразил желание прибыть лично вместе с Красным крестом [2, с. 787–788]. Военный министр обещал сербскому посланнику 14 октября 1912 года, что он будет предоставлять сведения о передвижении и дислокации турецкой армии. На следующий день Сазонов уведомил посланника, что Австро-Венгрия вполне миролюбива, но не следует входить в Новопазарский санджак, потому что и в Австро-Венгрии есть свое общественное мнение и партии войны. Начальник главного штаба также не рекомендовал идти в Новопазарский санджак, так как там немного турецких войск и не стоит давать Австро-Венгрии повод для вмешательства. Нужно наступать в направлении Приштины, Скопье и Джу-стендила. Он также добавил, что Австро-Венгрия мобилизовала 15, 16, 7 и 13-й полки и что она направляет отряды к Увце. Доктор Крамарж выступил с идеей умиротворения Австро-Венгрии путем присоединения Плевальского санджака к Боснии и Герцеговине, чем одновременно могла бы быть увеличена численность сербского населения в тех краях.

Новости об объявлении войны Турции сначала со стороны Черногории, а затем и остальных союзников не были приняты русским правительством с одобрением. Председатель правительства Коковцев и министр Сазонов были раздражены. Из-за нерешительности в балканском вопросе Сазонов был подвергнут критике со стороны русской общественности. Австро-венгерский посланник в Белграде сообщал о

возможности соглашения между Австро-Венгрией и Россией по разделу Балкан. Русское правительство опасалось поражения балканских славян.

Русское общественное мнение с большим вниманием следило за военными событиями и симпатизировало своим балканским союзникам. В Московском университете проводились студенческие собрания, осуществлялся сбор помощи, люди записывались в добровольцы. По инициативе профессора Ковалевского в Петербурге обсуждалась ситуация на Балканах, в обсуждении участвовали ученые и представители общественности. В России развернул активную деятельность профессор Кошутич из Белградского университета. Эти мероприятия осуществлялись в двух направлениях: сбор помощи и организация лекций с целью информирования о ситуации на Балканах.

Как и можно было предполагать, интересы России сосредоточились вокруг вопроса о судьбе Босфора и Дарданелл. Сазонов сообщил 2 ноября болгарскому посланнику Бопчеву, что Россия не позволит Болгарии захватить Константинополь. По русским источникам, союзники России по Антанте, Франция и Англия, не возражали против идеи болгарского наступления на Константинополь. Французская дипломатия подговаривала болгар взять османскую столицу. Англия предложила превратить Константинополь в свободный порт под международным контролем.

Русская общественность особенно чутко следила за ситуацией вокруг пролива — особенно та ее часть, которая выражала интересы торговли и промышленности. Опасность закрытия Босфора и Дарданелл и, как следствие этого, большой удар по русскому экспорту пшеницы, стали главной темой. Болгарская армия приближалась к турецкой столице (сами болгары считали это сном, ставшим явью). Существовала реальная возможность того, что зона Пролива перейдет под контроль Болгарии. Русский посланник в Константинополе Гирс информировал свое правительство о панических настроениях среди турок. Министр иностранных дел Турции попросил Гирса передать просьбу царю Николаю, чтобы он предотвратил вторжение болгар в Константинополь. По словам турецкого министра, его страна два раза прислушивалась к голосу русского царя и останавливалась в войне против Сербии и Греции. Теперь она надеется, что голос Его Величества будет иметь в виду и турецкие интересы. Гирс не исключил и пропагандистских действий: вызвать панику в Европе возможностью вторжения болгар в Константинополь, но одновременно он выразил тревогу по поводу того, что турецкие войска покинут столицу, в результате чего могли бы начаться волнения и беспорядки.

Сазонов через посланника в Софии Неклюдова предупредил Гешова о возможной реакции Европы на захват турецкой столицы — не только из-за угрозы анархии, но и для защиты английских и французских финансовых интересов в Турции. Он обратил внимание на возможность вмешательства Австро-Венгрии и Румынии в войну и на то, что если Болгария проявит благоразумие, то в перспективе она может рассчитывать на территориальные приобретения. Парижский посланник Извольский информировал Сазонова, что Пуанкаре даже подстрекает болгар взять Константинополь, что он настроен крайне воинственно и считает нынешнюю военно-политическую конъюнктуру очень благоприятной для сил Антанты.

В противовес этому русская дипломатия считала, что только единство великих держав может остановить Болгарию. Сазонов призвал Пуанкаре воспользоваться всеми средствами воздействия на Вену и Берлин, считая, что ключ к решению вопроса находится в немецкой столице. Английский посланник в Париже Берти писал министру Грею 25 октября 1912 года: русские не могут ожидать, что большинство великих держав поддержат позицию, согласно которой Константинополь должен оставаться в руках турок только для того, чтобы дожидаться благоприятного момента, когда Россия возьмет его себе. В ответ на это Россия выступила с еще более твердой позицией: если болгарская армия возьмет Константинополь, это принудит Россию выслать в турецкую столицу весь свой Черноморский флот. Сазонов призывал Пуанкаре иметь в виду, что взбудораженное общественное мнение может поставить русское правительство в крайне тяжелое положение.

В конце октября 1912 года Россия начала рассматривать возможность высадки 5000 солдат с целью защиты христианского населения в случае анархии в турецкой столице. В Одесском военном округе были приведены в состояние готовности одна пехотная бригада, стрелковый полк и две полевые батареи. Считалось, что нужно как можно скорее в качестве авангарда перебросить небольшой отряд на европейское побережье Босфора и взять Буюкдере. Назревала сенсация. Оказалось, однако, что у Черноморского флота недостаточно кораблей, чтобы перебросить сразу 5000 солдат. В силу энергичного сопротивления Франции и Великобритании от такой военно-морской операции пришлось окончательно отказаться. Однако развитие событий пошло на пользу русской дипломатии, поскольку болгары не успели овладеть турецкими укреплениями на Чаталдже.

Второй вопрос, которым занималась русская дипломатия на балканском направлении, был вопрос выхода Сербии к Адриатическому морю, австро-венгерской и итальянской поддержки автономной Албании, а также судьба *Шкодера* [5]. Российское общественное мнение

оказывало непрерывное давление на правительство, чтобы оно проявляло большую активность в этих событиях. Русский Красный Крест в самом начале войны направил для городов Ниш и Белград госпиталь с 200 койками и полевой госпиталь с 50 койками, два этапных полевых госпиталя, каждый по 50 коек. Московская и петербургская городские управы, каждая за свой счет, сформировали по одной медицинской комиссии, и в совокупности было направлено в Ниш и Белград 23 врача, 66 медсестер и 115 медиков. Помимо этого некоторые русские врачи работали добровольцами в сербских больницах. Один полевой госпиталь организовала княгиня Елена Петровна, дочь короля Петра Карагеоргиевича, и некоторые другие особы. Другой госпиталь финансировала семья Терещенко. Проявляло активность в этом плане и Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество: помощь посылалась в Сербию, Черногорию и Болгарию. По инициативе ветеранов войны 1876 года общество сформировало в ноябре 1912 года Черняевский комитет (Комитет по оборудованию и отправке в Сербию медицинской миссии М.Г. Черняева) с вдовой М.Г. Черняева Антониной Александровной как его почетным председателем. Супруга первого секретаря миссии в Белграде Юлия Штрандман работала медсестрой в больнице «Круг сербских сестер», а дочь русского посланника Людмила Николаевна — в Иверской больнице в Белграде [4].

Россия поддерживала сербское стремление к получению выхода к Адриатическому морю [3]. Сербское правительство считало, что молниеносной военной операцией можно поставить великие державы перед фактом победы Сербии. Пашич настаивал 6 ноября 1912 года на том, чтобы до переговоров о мире взять Салоники или Битоль, Дуррес или Леш. Он проявлял очень большую настойчивость в этих намерениях. На предупреждение, что Австро-Венгрия никогда и ни за что не согласится на то, чтобы Сербия вышла к Адриатическому морю, он ответил, что Сербия ни за какую цену не откажется от своей цели и готова ради этого на многие жертвы. Сазонов сказал посланнику Поповичу, что Австро-Венгрия боится влияния большой Сербии на соотечественников в Габсбургской монархии.

Аргументы Пашича в поддержку требования о выходе Сербии к Адриатике были следующие: помимо Косовского вилайета составной частью Старой Сербии является и Адриатическое побережье от Дурреса вплоть до Сан Джовани ди Медуа. Выход к морю — жизненный вопрос для Сербии в силу того, что без этих портов она задохнется и «сварится», как в каком-нибудь котле. В Средние века Сербия участвовала в торговле с европейскими державами через адриатические порты Дуррес, Леш и на этой основе развивалась.

Австро-Венгрия давала понять, что она могла бы поддержать прорыв Сербии на юг, к порту в Эгейском море — к Салоникам. Ходили слухи, что Австро-Венгрия готова уступить Новопазарский санджак Черногории. Сазонов потребовал 7 ноября 1912 года, чтобы амбиции Сербии умерились и чтобы она отказалась от Дурреса. Вена же говорила о том, что она проявила добрую волю по отношению к Сербии тем, что не препятствовала ее входу в Новопазарский санджак. В Вене утверждали, что в принципе они не против того, чтобы у Сербии был свой выход к морю и что они помогут Сербии получить выход к Эгейскому морю вниз по Вардарской долине. Германия и Италия, в свою очередь, не возражали против этого.

Сазонов также относился благосклонно к получению Сербией выхода к Адриатическому морю, но он замечал, что интерес Сербии был бы удовлетворен и в том случае, если бы она получила нейтральное железнодорожное сообщение с Адриатическим побережьем. У Франции и России нет желания воевать из-за сербского выхода к морю, — отмечал Сазонов; у великих держав свои интересы, если у Сербии не будет выхода к Адриатическому морю, то не стоит создавать проблему. Решение восточного вопроса Сазонов обещал предложить на общей европейской конференции. Сербскому посланнику Поповичу он сказал 13 ноября 1912 года, что сербы получают Скопье, Призрен, Печ и ближайшие к ним области. Кроме того, русский посланник в Белграде Хартвиг был уверен, что у Сербии будет выход в Леше и Сан Джовани ди Медуа. Профессор Кошутич заявил из Петербурга 25 ноября, что Сербия получит Леш. Во всяком случае, русская дипломатия поддерживала право Сербии иметь свободный выход к морю на благо своего экономического и государственного развития. Как отмечала венская пресса, сербский порт на Балканах приносил бы пользу России.

Сазонов сообщил Димитрию Поповичу 10 декабря 1912 года, что Россия на конференции в Лондоне приложит все усилия, чтобы территория Албании и колонизированных ею земель была как можно меньше. В ответ на предположение, что Дебар мог бы достаться Албании, Пашич, опираясь на мнение русского консула города Битола, Петраева, энергично отреагировал: Дебар ни в коем случае не достанется Албании, потому что там все села сербские, даже албанцы-мусульмане в тех краях говорят по-сербски. Сам Петраев, бывший русским советником на конференции в Лондоне, заверил Дмитрия Поповича 12 декабря 1912 года, что Россия будет добиваться того, чтобы Албания осталась как можно в меньших границах.

В русском правительстве не было единства относительно позиции по балканскому кризису. Премьер-министр Коковцов и министр ино-

странных дел Сазонов всеми силами старались избежать военного конфликта. Военный министр Сухомлинов предлагал мобилизацию ряда военных округов, но на заседании правительства Сазонов и Кокцов остались в меньшинстве. В день захвата Шкодера (10 апреля 1913 года), после молебна в Казанском соборе Петербурга, проводились демонстрации, впрочем, разогнанные полицией.

Выходом из весьма тяжелой ситуации, в которой оказалась Россия в 1912 году, должна была стать конференция послов шести великих держав в Лондоне, которая начала свою работу 16 декабря 1912 года под председательством британского министра Грея.

Список литературы

1. *Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914*, в редакцији Михаило Војводић. Београд, 1984. Књ. 5. Св. 1.
2. *Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914*. Београд, 1985. Књ. 5. Св. 1.
3. *Ђорђевић Д.* Излазак Србије на Јадранско море и конференција амбасадора у Лондону. Београд, 1956.
4. *Терзић С.* Стара Србија (XIX–XX век): драма једне цивилизације. Београд, 2012.
5. *Ђоровић В.* Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку. Београд, 1992.

Slavenko Terzic

RUSSIA AND THE FIRST BALKAN WAR

This article considers foreign policy events relating to Russia's participation in the Balkan issue in the early 20th century. One of the major considerations behind Russia's Balkan policy was the possibility of Bulgaria seizing Constantinople and Serbia gaining access to the Adriatic Sea.

Key words: *history, Russia's foreign policy, "eastern issue", Serbia, Bulgaria, First Balkan War.*